
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL LAW MEASURES OF CRIME COUNTERACTION

УДК 343.9.018

DOI [10.17150/1996-7756.2016.10\(1\).96-104](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(1).96-104)

НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ИЗМЕНЕНИЕ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА УГОЛОВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СВЕТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ

Ю.Г. Лескова, А.А. Диденко

Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

16 октября 2014 г.

Дата принятия в печать

10 декабря 2015 г.

Дата онлайн-размещения

28 марта 2016 г.

Ключевые слова

Состав уголовного преступления;
уголовный закон; незаконное
предпринимательство;
саморегулирование;
предпринимательская деятельность;
профессиональная деятельность;
гражданское законодательство

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы определения признаков состава уголовного преступления во взаимодействии и взаимосвязи с другими отраслями права, в частности с гражданским правом. Авторы задаются вопросом о том, насколько уголовный закон учитывает основы гражданско-правового регулирования в части определения признаков состава уголовного преступления и стоит ли пересматривать нормы Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с изменением правил Гражданского кодекса и развитием предпринимательских отношений. Ответ на поставленный вопрос кроется в определении вида диспозиции, в которой сформулированы уголовные запреты. На примере ст. 171 УК РФ (диспозиция указанной нормы является бланкетно-описательной) показываются случаи обращения к обновленному ГК РФ и применения гражданских конструкций без необходимости изменения содержания УК РФ. Помимо этого, во-первых, обращается внимание на потребность в «реконструкции» нормы ст. 171 Уголовного кодекса в связи с реформированием гражданского законодательства в части закрепления форм преступной деятельности. Авторы отмечают, что введение в России новых видов регулирования — деятельности по установлению правил и стандартов для осуществления предпринимательской или профессиональной деятельности самими субъектами указанной деятельности (саморегулирования), а также возрастание в российском бизнесе роли обязательного членства в саморегулируемых организациях, введенного взамен лицензирования отдельных видов предпринимательской или профессиональной деятельности, не могут не учитываться уголовным законом. Во-вторых, предлагается расширить действие нормы ст. 171 УК РФ (распространить ее также на незаконную профессиональную деятельность). В-третьих, доказывается необходимость не только пересмотреть виды наказаний в действующей статье 171 УК РФ, но и установить повышенные виды наказаний в случае смерти или причинения вреда здоровью при осуществлении незаконного предпринимательства или незаконной профессиональной деятельности.

ILLEGAL ENTREPRENEURSHIP: CHANGING THE ATTRIBUTES OF CRIMINAL OFFENSE CORPUS DELICTI IN THE LIGHT OF RUSSIAN CIVIL LEGISLATION'S REFORM

Yulia G. Leskova, Asya A. Didenko

Kuban Agrarian State University, Krasnodar, the Russian Federation

Article info

Received

2014 October 16

Accepted

2015 December 15

Available online

2016 March 28

Abstract. The paper analyses the issues of determining the attributes of criminal offense corpus delicti through the cooperation and interrelation with other branches of law, and civil law in particular. The authors wonder if the criminal law makes sufficient allowances for the basics of civil law regulation when determining the attributes of criminal offense corpus delicti and if the norms of the Criminal Code of the Russian Federation should be reconsidered in connection with the changes of the Civil Code's rules and the development of entrepreneurial relationships. The answer to that lies in determining the type of disposition that formulates criminal prohibitions. The authors use the example of Art. 171 of the Criminal Code of the Russian Federation (the

Keywords

Criminal offense corpus delicti; criminal law; illegal business; self-regulation; entrepreneurship; professional activity; civil law

mentioned norm's disposition is blanket-descriptive) to describe the cases when the renewed Civil Code of the Russian Federation and civil constructs can be used without the need for changing the contents of Russian Criminal Code. In addition to that they, firstly, draw attention to the necessity of «reconstructing» the norm of Art. 171 of the Criminal Code in connection with the civil legislation's reform regarding the inclusion of the forms of criminal activity. The authors observe that the introduction of new regulation types — the establishment of rules and standards for entrepreneurial or professional activities by the very subjects of those activities (self-regulation), the rising importance of obligatory participation in self-regulating organizations for Russian businesses (which were introduced in place of licensing certain types of entrepreneurial or professional activities) — cannot be overlooked by the criminal law. Secondly, the authors suggest extending the jurisdiction of the norm in Art. 171 of the Criminal Code of the Russian Federation (extend it to cover unlawful professional activity). Thirdly, they show that it is necessary not only to reconsider the types of punishment in current Art. 171 of the Criminal Code of the Russian Federation, but also to specify extra punishment in case of causing death or serious bodily harm in the process of illegal entrepreneurship or illegal professional activity.

Вопрос о понятии и признаках любого состава уголовного преступления имеет чрезвычайно важное теоретическое и практическое значение, а решаться он должен во взаимодействии и взаимосвязи с другими отраслями права, в том числе частного права. Совершенно справедливо замечание М.Ю. Чельшева относительно того, что гражданское право (впрочем, как и уголовное право) вряд ли стоит признавать в качестве единственного регулятора экономической сферы и ряда других областей правового регулирования [1, с. 6]. В юридической литературе последних лет широко представлено мнение о проникновении частноправовых начал в публично-правовое регулирование общественных отношений и наоборот, что является следствием развития современного отечественного права и его конвергенции с развитыми западными правовыми системами [1, с. 7; 2]. Следует подчеркнуть, что возникающие при этом межотраслевые связи гражданского права с уголовным правом выявляются, например, в межотраслевых источниках правового регулирования [1, с. 64–78; 3, с. 125], в общих принципах права [4, с. 92]. В этом находит свое проявление системность правового регулирования современных общественных отношений [5, с. 85].

Не менее важным элементом межотраслевых связей гражданского и уголовного права является использование отдельных цивилистических конструкций и понятий. Так, уголовно-правовые конструкции отдельных видов преступлений не всегда заполняют собой действительное содержание тех или иных элементов состава преступления, а их содержание насыща-

ется также отдельными фрагментами гражданско-правовых конструкций. Действительно, во многих составах преступлений, установленных УК РФ, применяются термины, формулировки, значение которых не может быть установлено без соответствующих гражданско-правовых конструкций. Например, согласно ст. 171 УК РФ («Незаконное предпринимательство»), осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, наказывается штрафом в размере до 300 тыс. р. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до 480 часов, либо арестом на срок до шести месяцев.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» от 18 ноября 2004 г. № 23 указано, что при решении вопроса о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, судам следует выяснять, соответствуют ли эти действия указанным в п. 1 ст. 2 ГК РФ признакам предпринимательской деятельности. В юридической литературе к числу главных (определяющих) признаков предпринимательской деятельности, закрепленных в ст. 2 ГК РФ, относят ее телеологический (целевой) характер, а именно направленность на из-

влечение прибыли [6, с. 163], что, на наш взгляд, выделяет предпринимательскую деятельность из более широкого понятия хозяйственной деятельности как деятельность по производству и реализации материальных благ. Это означает, что предприниматель действует на свой риск в надежде получить прибыль. Однако руководствоваться только целями осуществления предпринимательской деятельности вряд ли верно с точки зрения правил ст. 2 ГК РФ, и при выяснении признаков состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, следует определять также систематичность осуществления деятельности, самостоятельность ее характера, виды деятельности (пользование имуществом, продажа товаров, выполнение работ или оказание услуг) и наличие государственной регистрации (отсутствие последней свидетельствует о незаконном предпринимательстве).

Как видим, взаимосвязь состава уголовного преступления с гражданским законодательством и гражданско-правовыми конструкциями очевидна. И это не единственный пример, когда требуется обращение к нормам гражданского законодательства РФ. Так, П.С. Яни, рассматривая вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ, приводит свой пример обращения к нормам гражданского законодательства для выяснения признаков состава преступления: «Создание и реорганизация юридического лица — специальные юридические термины, значение которых можно установить со ссылкой на положения гражданского законодательства, законодательства о регистрации организаций» [7, с. 35]. Необходимо отметить, что на использование гражданско-правовых конструкций при квалификации уголовных преступлений указывают и многие зарубежные ученые, исследующие проблематику незаконного предпринимательства [8, р. 171; 9, р. 418; 10, р. 1133; 11, р. 715; 12, р. 469]. Соглашаясь в целом с указанными точками зрения, стоит выяснить вытекающий отсюда не менее важный вопрос: насколько уголовный закон учитывает основы гражданско-правового регулирования и стоит ли пересматривать нормы УК РФ в связи с изменением гражданского законодательства и развитием предпринимательских отношений?

Представляется, что в тех случаях, когда уголовно-правовые запреты в УК РФ сформулированы посредством бланкетных диспозиций,

а само содержание запретов раскрывается в нормах других отраслей права (например, гражданского), изменение содержания уголовно-правового запрета осуществляется без изменения уголовно-правовой нормы, что говорит о стабильности уголовного закона. Например, с 1 сентября 2014 г. ГК РФ в отношении некоммерческих организаций закрепляет возможность занятия ими приносящей доход деятельностью (а не предпринимательской деятельностью), значит, ст. 171 УК РФ неприменима в отношении руководителя указанной организации в случаях ведения последней указанной деятельности без соответствующего разрешения (лицензии). В тех же случаях, когда уголовно-правовые запреты формируются в описательных, простых диспозициях, учитывать содержание норм других отраслей права требуется, и в случае их изменения необходимо внесение поправок в УК РФ с целью уточнения признаков состава преступления. В любом случае следует исключать всякого рода негативные проявления взаимосвязи или отсутствия таковой для отраслей права. Сказанное предполагает необходимость пересмотра некоторых норм УК РФ в связи с реформированием ГК РФ в настоящее время.

Ярким примером обозначенного выше вывода служит названная ранее статья 171 УК РФ (диспозиция указанной нормы является бланкетно-описательной), в которой незаконное предпринимательство рассматривается как осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна. Формулировка указанной нормы до 1 сентября 2014 г. не шла вразрез, например, с нормами ст. 49 ГК РФ, согласно которым отдельными видами деятельности, перечень которых определяется законом, юридическое лицо может заниматься только на основании специального разрешения (лицензии). С 1 сентября 2014 г. норма ст. 49 ГК РФ изменена и содержит следующие правила: «В случаях, предусмотренных законом, юридическое лицо может заниматься отдельными видами деятельности только на основании специального разрешения (лицензии), членства в саморегулируемой организации или выданного саморегулируемой организацией свидетельства о допуске к определенному виду работ» (курсив наш. — Ю. Л., А. Д.). Такое же правило следует выводить и относительно индивидуаль-

ных предпринимателей, которые могут заниматься предпринимательской деятельностью, например в градостроительной сфере, только на основании допуска к осуществлению определенных видов работ, выданного саморегулируемой организацией.

Заметим, что еще до момента внесения соответствующих изменений в ГК РФ в юридической литературе предлагалось квалифицировать осуществление предпринимательской деятельности вне рамок саморегулирования как незаконное предпринимательство, а нарушителей — привлекать к уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ [13, с. 11] (в случае если такой формой незаконного предпринимательства занимается юридическое лицо, к уголовной ответственности привлекается его руководитель). Представляется, что указанная позиция вполне оправдана и в самое ближайшее время должна найти отражение в УК РФ при описании в ст. 171 кодекса объективной стороны состава преступления, которую необходимо характеризовать тремя (а не двумя!) формами преступной деятельности, а именно осуществлением предпринимательской деятельности без регистрации, без лицензии, *без членства в саморегулируемой организации и (или) выданного саморегулируемой организацией свидетельства о допуске к определенному виду деятельности*.

На практике ярким примером сложившейся ситуации может выступать осуществление строительных работ. Развитие частноправовых основ регулирования отношений в сфере строительства в целях устранения излишних административных барьеров предопределило замену института лицензирования строительной отрасли институтом саморегулирования. Как известно, ранее Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ относил строительство и проектирование зданий к деятельности, на осуществление которой требовалось получение со стороны государственных органов специального разрешения (лицензии). Соответственно, выполнение ремонтно-строительных работ без лицензии подпадало под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ (определение Верховного Суда РФ от 16 июня 2005 г. № 19-Дп05-8). Исходя из того что сегодня правовую основу нового механизма регулирования отношений в сфере строительства об-

разуют положения гл. 6.1 «Саморегулирование в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства» Градостроительного кодекса РФ, можно сказать, что складывается парадоксальная ситуация, когда осуществление строительной деятельности без соответствующего допуска со стороны саморегулируемой организации более не подпадает под признаки состава преступления ст. 171 УК РФ. Представляется, что путем введения института саморегулирования законодатель пытался найти разумное соотношение диспозитивных и императивных начал регулирования отношений в области строительства, а не исключать недобросовестных строителей из числа лиц, не подпадающих под уголовную ответственность за незаконное предпринимательство. В связи с этим можно вести речь о формировании новой, требующей глубокого теоретического осмысления концепции межотраслевого взаимодействия норм гражданского и уголовного права в части совершенствования правового регулирования незаконного предпринимательства.

Стоит обратить внимание, что развитие системы саморегулирования является одним из приоритетных направлений административной реформы в России, провозглашенной еще в 2003 г. указом Президента РФ «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» от 23 июля 2003 г. № 824. В настоящее время саморегулирование «набирает темпы», а его обязательный характер, как правило, связан с теми видами предпринимательской и профессиональной деятельности, от лицензирования которых государство отказывается: деятельность арбитражных управляющих, аудиторская деятельность, кредитная кооперация, оценочная деятельность, деятельность ревизионных союзов сельскохозяйственных кооперативов, инженерные изыскания, архитектурно-строительное проектирование, строительство, деятельность в области энергетического обследования, теплоснабжения, актуарная деятельность. «Обязательное» саморегулирование может быть введено в автотранспортной отрасли. По проекту закона «Об автотранспортной деятельности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (разработан Минтранс и в ближайшее время может быть

внесен в Госдуму) юридические лица и индивидуальные предприниматели будут обязаны вступать в саморегулируемые организации вне зависимости от того, используют они автопарк для собственных нужд или оказывают сторонние услуги по перевозке пассажиров, багажа и грузов.

Заметим, что обязательное членство в саморегулируемых организациях устанавливается не только в отношении субъектов предпринимательской деятельности, но и применительно к субъектам профессиональной деятельности. Последнюю, если сам законодатель не определяет ее в качестве профессиональной, достаточно трудно отграничить от предпринимательской деятельности. Согласно ч. 3 ст. 2 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.), под субъектами профессиональной деятельности следует понимать физических лиц, осуществляющих профессиональную деятельность. К сожалению, действующее законодательство не содержит понятия «профессиональная деятельность». В юридической литературе отмечается, что к профессиональной деятельности может быть отнесена любая не запрещенная законом экономически значимая деятельность, осуществляемая физическими лицами, при условии, что порядок осуществления такой деятельности должен регулироваться федеральными законами [14]. С.А. Денисов отмечает, что круг лиц (субъектов саморегулирования) может быть самым широким, а это влечет опасность масштабного саморегулирования частной сферы экономики, что несовместимо с принципом недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ) [15]. Кроме того, отдельные виды деятельности могут быть одновременно и предпринимательскими, и профессиональными (например, аудиторская деятельность). В этой связи заслуживает одобрения точка зрения А.В. Басовой о необходимости закрепления на законодательном уровне понятия «субъект профессиональной деятельности» (автор предлагает рассматривать под субъектом профессиональной деятельности физическое лицо, осуществляющее регулирующую федеральным законом деятельность посредством личного квалифицированного труда без специальной регистрации, на которое возлагается обязанность быть членом профессиональной организации) [16, с. 20]. Следует со-

гласиться с В.В. Кваниной в том, что категории «предпринимательская деятельность» и «профессиональная деятельность» являются непересекающимися категориями, и, следовательно, к субъектам профессиональной деятельности режим регулирования предпринимательской деятельности неприменим [17, с. 33].

До тех же пор, пока законодатель не определится с понятием «профессиональная деятельность», следует пользоваться его «подсказками», как квалифицировать тот или иной вид деятельности. Так, согласно ст. 3 Федерального закона «Об оценочной деятельности» от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ (ред. от 12 марта 2014 г.), под оценочной деятельностью понимается профессиональная деятельность субъектов оценочной деятельности, направленная на установление в отношении объектов оценки рыночной, кадастровой или иной стоимости. Исходя из формулировки ст. 2 Федерального закона «Об актуарной деятельности в Российской Федерации» от 2 ноября 2013 г. № 293-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г.) актуарий — физическое лицо, осуществляющее на профессиональной основе в соответствии с трудовым или гражданско-правовым договором актуарную деятельность и являющееся членом саморегулируемой организации актуариев. В ст. 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29 декабря 2015 г.) закреплено, что арбитражный управляющий является субъектом профессиональной деятельности и осуществляет регулирующую настоящим федеральным законом профессиональную деятельность, занимаясь частной практикой.

Разграничение предпринимательской и профессиональной деятельности неизбежно влечет за собой вопрос о том, возможно ли в случае невступления, например, арбитражного управляющего (субъекта профессиональной деятельности) в число членов саморегулируемой организации (а это является обязательным!), а значит, осуществления незаконной профессиональной деятельности при причинении крупного ущерба гражданам, организациям или государству квалифицировать подобные деяния по ст. 171 УК РФ. На наш взгляд, это возможно только при условии изменения норм указанной статьи в части закрепления состава преступления в отношении осуществления незаконной профессиональной деятельности. Четкость фор-

мулировки уголовного закона здесь необходима, и никакими иными нормативными правовыми актами, разъяснениями со стороны судов не могут решаться вопросы уголовной ответственности за незаконную профессиональную деятельность (согласно ч. 1 ст. 3 УК РФ, преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом). Незаконное ведение профессиональной деятельности, так же как и незаконное предпринимательство, является общественно опасным и может повлечь достаточно крупный ущерб. Заметим, что применительно, например, к таким видам профессиональной деятельности, как медицинская и фармацевтическая, состав преступления сформулирован в ст. 235 УК РФ.

В отношении незаконного ведения профессиональной деятельности суды, как правило, не идут дальше констатации его факта даже при наличии крупного ущерба гражданам и юридическим лицам или при извлечении лицами, незаконно занимающимися профессиональной деятельностью, дохода в крупном размере (авторы сделали такой вывод, исходя из проведенного ими исследования семи судебных решений за период 2012–2015 гг., опубликованных на сайте Краснодарского краевого суда¹). В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» от 30 июня 2015 г. № 28 указывается, что суд, исследуя отчет об оценке объекта недвижимости (который выполнялся оценщиком), проверяет его на соответствие законодательству об оценочной деятельности, а также выясняет, отвечает ли лицо, составившее отчет о рыночной стоимости, требованиям законодательства об оценочной деятельности, предъявляемым к оценщикам. В частности, в случае если физическое лицо не является членом саморегулируемой организации, составленный им отчет не может расцениваться как допустимое доказательство. Никаких других последствий судами не устанавливается, в том числе применительно к оценщикам, которые допустили такое нарушение закона и извлекли доходы в крупных размерах или нанесли

крупный ущерб гражданам и юридическим лицам. На наш взгляд, подобное вряд ли является оправданным.

Хотелось бы также обратить внимание на то, что результатом (последствием) осуществления незаконного предпринимательства и незаконной профессиональной деятельности может быть не только причинение ущерба гражданам, организациям, государству либо извлечение дохода в крупном размере (суммы, превышающей 1 млн 500 тыс. р.) или в особо крупном размере (суммы, превышающей 6 млн р.), но и причинение вреда здоровью человека или его смерть (например, в результате обрушения здания или сооружения, возведенного строителем, не имеющим допуска к определенным видам работ). На наш взгляд, именно в ст. 171 УК РФ необходимо предусмотреть указанные составы преступлений, а не пытаться квалифицировать общественно опасные действия, повлекшие смерть человека или вред его здоровью, в связи с незаконным предпринимательством с учетом иных норм УК РФ.

Кроме того, стоит пересмотреть и виды наказаний, приведенные в ныне действующей статье 171 УК РФ. Мы согласны с В.А. Авдеевым в том, что назначаемая мера наказания ориентируется на приближение к социально значимым ориентирам, устранение действия негативных факторов и вероятности повторного совершения преступления [18, с. 61]. Сегодня можно наблюдать множественность случаев назначения судами чрезвычайно мягких наказаний за преступления, указанные в названной выше статье Уголовного кодекса, что предполагает недооценку последствий совершаемых преступлений. В частности, анализ изученных уголовных дел о незаконном предпринимательстве показал, что из общего числа осужденных за незаконное предпринимательство были назначены следующие наказания (исследование проводилось на основе выборочного изучения уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 171 УК РФ, за период с 2008 по 2014 г. на основе данных сайта МВД России²):

1. По ч. 1 ст. 171 УК РФ:

– штраф — 98,7 %, из них в размере от 5 тыс. до 15 тыс. р. — 32,2 %, от 50 тыс. до 100 тыс. р. — 37,9 %, от 150 тыс. до 240 тыс. р. — 28,6 %;

¹ URL: www.kubansud.ru.

² URL: <http://www.mvd.ru/stats>.

– обязательные работы — 1,3 %, из них 0,3 % — в размере до 180 часов;

2. По ч. 2 ст. 171 УК РФ:

– лишение свободы с реальным отбыванием наказания — 1,3 % без штрафа (свыше года до двух лет включительно);

– лишение свободы в соответствии со ст. 73 УК РФ (условно) — 34,3 %, из них на срок до года включительно со штрафом — 3,5 %, до года включительно без штрафа — 12,3 %, свыше года до двух лет включительно без штрафа — 15,9 %, свыше двух до трех лет включительно — 2,6 %;

– штраф — 64,4 %, из них в размере от 10 тыс. до 45 тыс. р. (с применением ст. 64 УК РФ) — 8,0 %, 100 тыс. р. — 24,7 %, 150 тыс. р. — 15,6 %, от 250 тыс. до 300 тыс. р. — 14,7 %, 500 тыс. р. — 1,4 %.

Из приведенных данных следует, что средний размер такого вида наказания по ч. 1 ст. 171 УК РФ, как штраф, составил около 90 тыс. р., а средний размер штрафа, назначенного за совершенное преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 171 УК РФ, составил 150 тыс. р. При этом по непонятным причинам при назначении уголовного наказания в виде штрафа с учетом всех обстоятельств и личности виновных лиц за совершенное преступление небольшой тяжести, предусмотренное ч. 1 ст. 171 УК РФ, в 28,6 % случаев наказывалось более сурово, чем лицо, совершившее преступление средней тяжести, предусмотренное ч. 2 ст. 171 УК РФ. Исходя из этого такая практика реагирования правоприменителя на выявленные нарушения закона вряд ли может быть признана справедливой, кроме того, она снижает профилактическую роль уголовно-правового воздействия в отношении лиц, склонных к совершению незаконного предпринимательства. Как справедливо подчеркивал Б. Свенссон, экономические преступления наносят большой вред обществу или группам лиц. При этом шведский криминолог исходил из того, что «только предприниматель, его заместитель или агенты могут совершать экономические преступления» [19, с. 27]. Седьмой конгресс ООН еще в 1985 г. в одной из своих резолюций включил экономические преступления (к которым мы относим вышеуказанные) в число опасных деяний и предложил ужесточение борьбы с ними.

Итак, реформирование гражданского законодательства РФ, развитие предпринимательства и профессиональной деятельности, а также вве-

дение новых способов их регулирования (саморегулирования) неизбежно влекут изменение норм УК РФ в части отдельных составов преступлений (в нашем случае состава преступления, установленного ст. 171 УК РФ), иначе происходит некорректное использование категорий и понятий, встраиваемых законодателем в УК РФ в качестве признаков состава преступления. Поэтому норма ст. 171 УК РФ требует «реконструкции», во-первых, в части закрепления форм преступной деятельности, во-вторых, в аспекте расширения сферы ее действия (распространения на незаконную профессиональную деятельность), в-третьих, относительно установления повышенных видов наказаний в случае смерти или причинения вреда здоровью при осуществлении незаконного предпринимательства или незаконной профессиональной деятельности. Предлагаем следующую редакцию ст. 171 УК РФ:

«1. Осуществление предпринимательской и профессиональной деятельности без регистрации, без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, членства в саморегулируемой организации или получения свидетельства саморегулируемой организации о допуске к определенному виду работ в случаях, когда вступление в членство или получение допуска к указанным работам являются обязательными, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, —

наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо арестом на срок до шести месяцев.

2. То же деяние:

а) совершенное организованной группой;

б) сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере, —

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового.

3. То же деяние, повлекшее смерть человека или вред его здоровью, —

наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода за период до трех лет».

На наш взгляд, измененная редакция нормы ст. 171 УК РФ, имея определенные поло-

жительные стороны в предупреждении незаконного предпринимательства и незаконной профессиональной деятельности (на фоне наблюдаемой уже сегодня тенденции снижения общей численности зарегистрированных преступлений экономической направленности [20, с. 260]), будет способствовать «оздоровлению» предпринимательской и профессиональной среды в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чельшев М.Ю. Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы / М.Ю. Чельшев. — Казань : Казан. гос. ун-т, 2006. — 160 с.
2. Лескова Ю.Г. Саморегулирование и публично-правовые средства: сфера проникновения и взаимодействия / Ю.Г. Лескова // Административное право и процесс. — 2012. — № 8. — С. 4–8.
3. Диденко А.А. К вопросу о развитии отечественной концепции источников гражданского права / А.А. Диденко // Власть закона. — 2012. — № 3. — С. 124–131.
4. Кузнецова О.А. Принципы гражданского права: современное состояние вопроса / О.А. Кузнецова // Власть закона. — 2011. — № 4. — С. 87–94.
5. Ткаченко А.А. Системный анализ источников гражданского права Российской Федерации / А.А. Ткаченко // Власть закона. — 2010. — № 3. — С. 82–88.
6. Блошенко М.В. Понятие и признаки предпринимательской деятельности / М.В. Блошенко // Власть закона. — 2010. — № 2. — С. 162–166.
7. Яни П.С. Образование юридического лица через подставных лиц / П.С. Яни // Законность. — 2014. — № 5. — С. 35–39.
8. Dorn N. Drug Markets and Law Enforcement / Nicholas Dorn, Nigel South // British Journal of Criminology. — 1990. — № 30 (2). — P. 171–188.
9. Minkes J. Criminal Enterprise: Individuals, Organisations and Criminal Responsibility / John Minkes // British Journal of Criminology. — 2008. — № 48 (3). — P. 418–420. — DOI : 10.1093/bjc/azn023.
10. Sandberg V. The Importance of Culture for Cannabis Markets: Towards an Economic Sociology of Illegal Drug Markets / Veinung Sandberg // British Journal of Criminology. — 2012. — № 52 (6). — P. 1133–1151. — DOI : 10.1093/bjc/azs031.
11. Winlow S. Lush Life: Constructing Organized Crime in The UK / Simon Winlow // British Journal of Criminology. — 2013. — № 53 (4). — P. 715–717. — DOI : 10.1093/bjc/azt028.
12. Zhang S. The Declining Significance of Triad Societies in Transnational Illegal Activities. A Structural Deficiency Perspective / Sheldon Zhang, Kolin Chin // British Journal of Criminology. — 2003. — № 43 (3). — P. 469–488. — DOI : 10.1093/bjc/43.3.469.
13. Максуров А.А. Отказ от строительных лицензий как мера государственной координации рынка / А.А. Максуров // Право и экономика. — 2010. — № 1. — С. 4–13.
14. Кайль А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (постатейный) [Электронный ресурс] / А.Н. Кайль, А.А. Батяев. — Режим доступа : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=CMB&n=16289&req=doc>.
15. Денисов С.А. Саморегулирование или самоорганизация? / С.А. Денисов // Гражданское право современной России / сост. О.М. Козырь, А.Л. Маковский. — М. : Статут, 2008. — 348 с.
16. Басова А.В. Саморегулируемые организации как субъекты предпринимательского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А.В. Басова. — М., 2008. — 25 с.
17. Кванина В.В. Профессиональная и предпринимательская деятельность / В.В. Кванина // Цивилист. — 2011. — № 2. — С. 27–33.
18. Авдеев В.А. Наказание и иные меры уголовно-правового характера в механизме правового регулирования / В.А. Авдеев // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2011. — № 2 (21). — С. 56–62.
19. Свенссон Б. Экономическая преступность : пер. со швед. / Б. Свенссон. — М. : Прогресс, 1987. — 160 с.
20. Gilinskiy Y. Crime in Contemporary Russia / Yakov Gilinskiy // European Journal of Criminology. — 2006. — Vol. 3, № 3. — P. 267–289.

REFERENCES

1. Chelyshev M.Yu. *Kontseptsiya optimizatsii mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo prava: postanovka problemy* [The Concept of Optimizing Interdisciplinary Connections of Civil Law: Defining the Issue]. Kazan Federal University Publ., 2006. 160 p.
2. Leskova Yu.G. Self-regulation and public law means: the sphere of penetration and interaction. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2012, no. 8, pp. 4–8. (In Russian).
3. Didenko A.A. The question of the development of domestic sources of the concept of civil rights. *Vlast' zakona = The Reign of Law*, 2012, no. 3, pp. 124–131. (In Russian).
4. Kuznetsova O.A. Civil law principles: a question about an actual status. *Vlast' zakona = The Reign of Law*, 2011, no. 4, pp. 87–94. (In Russian).

5. Tkachenko A.A. The System analysis of sources of the Civil law of Russian Federation. *Vlast' zakona = The Reign of Law*, 2010, no. 3, pp. 82–88. (In Russian).
6. Bloshenko M.V. Concept and signs of enterprise activity. *Vlast' zakona = The Reign of Law*, 2010, no. 2, pp. 162–166. (In Russian).
7. Yani P.S. Establishment of a legal entity through front persons. *Zakonnost' = Legality*, 2014, no. 5, pp. 35–39. (In Russian).
8. Dorn Nicholas, South Nigel. Drug Markets and Law Enforcement. *British Journal of Criminology*, 1990, no. 30 (2), pp. 171–188.
9. Minkes John. Criminal Enterprise: Individuals, Organisations and Criminal Responsibility. *British Journal of Criminology*, 2008, no. 48 (3), pp. 418–420. DOI: 10.1093/bjc/azn023.
10. Sandberg Veinung. The Importance of Culture for Cannabis Markets: Towards an Economic Sociology of Illegal Drug Markets. *British Journal of Criminology*, 2012, no. 52 (6), pp. 1133–1151. DOI: 10.1093/bjc/azs031.
11. Winlow Simon. Lush Life: Constructing Organized Crime in the UK. *British Journal of Criminology*, 2013, no. 53 (4), pp. 715–717. DOI: 10.1093/bjc/azt028.
12. Zhang Sheldon, Chin Kolin. The Declining Significance of Triad Societies in Transnational Illegal Activities. A Structural Deficiency Perspective. *British Journal of Criminology*, 2003, no. 43 (3), pp. 469–488. DOI: 10.1093/bjc/43.3.469.
13. Maksurov A.A. Abandonment of building licenses as a measure of state coordination of market. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2010, no. 1, pp. 4–13. (In Russian).
14. Kail' A.N., Batyaev A.A. *Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 1 dekabrya 2007 g. № 315-FZ «O samoreguliruemyykh organizatsiyakh» (postateinyi)* [Comment to the Federal Law of Dec. 1, 2007 (clause-by-clause)]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=CMB&n=16289&req=doc>. (In Russian).
15. Denisov S.A. Self-regulation or self-organization? In Kozyr' O.M., Makovskii A.L. (eds). *Grazhdanskoe pravo sovremennoi Rossii* [Civil Law of Contemporary Russia]. Moscow, Statut Publ., 2008. 348 p. (In Russian).
16. Basova A.V. *Samoreguliruemyye organizatsii kak sub'ekty predprinimatel'skogo prava. Avtoref. Kand. Diss.* [Self-regulating organizations as subjects of entrepreneurial law. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2008. 25 p.
17. Kvanina V.V. The Professional and Entrepreneurial Activities. *Tsivilist = Civil Lawyer*, 2011, no. 2, pp. 27–33. (In Russian).
18. Avdeev V.A. Punishment and Other Measures of Criminal and Legal Character in Mechanism of Legal Regulation. *Vestnik Dal'nevostochnogo juridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2 (21), pp. 56–62. (In Russian).
19. Svensson B. *Ekonomicheskaya prestupnost'* [Economic Crimes]. Moscow, Progress Publ., 1987. 160 p.
20. Gilinskiy Yakov. Crime in Contemporary Russia. *European Journal of Criminology*, 2006, vol. 3, no. 3, pp. 267–289.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лескова Юлия Геннадьевна — профессор кафедры гражданского права Кубанского государственного аграрного университета, доктор юридических наук, доцент, г. Краснодар, Российская Федерация; e-mail: yuliyleskova@yandex.ru.

Диденко Ася Алексеевна — доцент кафедры гражданского права Кубанского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук, г. Краснодар, Российская Федерация; e-mail: asya.didenko@yandex.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лескова Ю.Г. Незаконное предпринимательство: изменение признаков состава уголовного преступления в свете реформирования гражданского законодательства РФ / Ю.Г. Лескова, А.А. Диденко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 1. — С. 96–104. — DOI : 10.17150/1996-7756.2016.10(1).96-104.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leskova, Yulia G. — Professor, Chair of Civil Law, Kuban Agrarian State University, Doctor of Law, Krasnodar, the Russian Federation; e-mail: yuliyleskova@yandex.ru.

Didenko, Asya A. — Ass. Professor, Chair of Civil Law, Kuban Agrarian State University, Ph.D. in Law, Krasnodar, the Russian Federation; e-mail: asya.didenko@yandex.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Leskova Yu.G., Didenko A.A. Illegal entrepreneurship: changing the attributes of criminal offense corpus delicti in the light of Russian civil legislation's reform. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 96–104. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).96-104. (In Russian).